

Пусто.
Пусто.
Пусто.
Пустельга –
перелетела бруствер,
как те, кого изрубили в капусту,
и теперь они – сгустки
остывшего воздуха
за нашей спиной.
От возгласов –
пусто, но мир иной –
не телеэфир.
Пустельга –
просвиру
не выпускает
из острых когтей.
Пусто.
Пусто.
Пусто.
Пусто.
А хотел
чего-то вроде искусства...

Опустевшие улицы –
ноябрьский опус.
Замедление пульса,

У кого-то, – например, у тебя – суть поэтического метода сводится к сбору черники в саду камней. Садись с кузовком у кромки, закрываешь глаза, и вот среди валунов, подчиненных начертательной геометрии, начинаешь примечать нечто едва уловимое – ассоциативное на ощупь и ассонансное на слух. Открываешь глаза – а в кузовке уже не пусто, и в воздухе – тоже не пусто, и даже на языке – то ли ягоды, то ли завязь будущих слов – их смысл ещё не навязан, поэтому понимаешь их не умом, а – возможно – осязанием или, скажем, метаболизмом. Так из – казалось бы – крошечной пустоты вырывается страждущая пустельга...

Пусто, пусто, пусто – словно партия в домино, когда постоянно выпадает пустопорожняя костяшка-дубль. Погромел-погромел, постучал по столу, прислушался к отзвуку, но это только начало. Дальше пошла интуитивная игра. Перемахнул через

хоть сердце – корпит над прописями –
будто школьник,
и чернила его – красны.
Воют умалишённые
с осени до весны
в одиночных палатах.
Пусто.
Пусто.
Пусто.
Локоть – залатан,
и в плечах стал узок
пиджак Дон Кихота.
Лети-лети, пустельга,
завершая сезон охоты –
тень по жухлой траве пускай.

Пусто.
Пусто.
Пусто.
Паустовский.
Природа – по-русски.
Пасмурно.
Вот это и постигай.
В голове – всё заклеено пластырем,
над головой – пустельга...

бруствер, почувствовал ноздрями гарь, споткнулся о жуткие груды, но успел раздосадоваться: ах, пусто-то как, как же пусты ваши боевые кличи и яростные речи. Вот и Паустовского приплёл, чтобы было хотя бы подобие просветлённой осени, сторающей в топке неуправляемого тления, но с правом на воскрешение – пусть даже в блокноте стареющего наблюдателя. Теперь пустельга появляется вроде бы уже не на пустом месте.

Если отпустить зрение – всё равно пластырь залепил каждый всполох живого пространства – можно постараться принять на веру движение изнутри, внутренним ухом попытаться расслышать клёкот над головой, расслышать, как расступается пустота перед взмахом высвобожденной пустельги, расслышать продиктованное, чтобы уже не сомневаться, чтобы уже не пустовать...